

Газета 2003 - 21 апр с. 13

“я слишком любознательна, чтобы быть циничной”

Рене Зеллвегер — Газете

«Золотой глобус» за лучшую женскую роль в категории «Комедия или мюзикл» достался в этом году Рене Зеллвегер, исполнившей главную роль в фильме Роба Маршалла «Чикаго». Двумя годами ранее Рене получила «Глобус» за лучшую женскую роль в фильме «Сестричка Бетти», а в прошлом году она была номинирована за свою работу в картине «Дневник Бриджет Джонс». С Рене Зеллвегер в Нью-Йорке встретился Игорь Потапов.

Понравилось ли вам сниматься в мюзикле?
О, Боже мой... А как по-вашему? Это было потрясающе! Невероятное приключение! Это же мюзикл — все эти костюмы, грим, блеск, движение... сплошное веселье.

Что было сложнее при работе над фильмом — танцевать или петь?
Наверное, пение. Да, пение меня по-настоящему пугало.

Как проходила подготовка к фильму?
Каждое утро в течение нескольких месяцев перед началом съемок мы встречались и устанавливали расписание на день. У нас был зал для больших номеров с множеством статистов, были комнаты для индивидуальных занятий. Это напоминало школу, у каждого было свое расписание. Например, я занималась пением в комнате, где стоял рояль, Ричард Гир упражнялся в чечетке, а Кэтрин Зета-Джонс отрабатывала свой основной номер, «Весь этот джаз», на основной сцене. А потом мы менялись местами. Все как в школе. Школа имени Роба Маршалла.

Вы видели этот мюзикл раньше?
Ни разу. Я не видела мюзикла, я не знала, о чем там идет речь, я не слышала ни одной песни из него. И я рада, что это было именно так: благодаря этому мне было проще работать над ролью.

Насколько тяжело было в танцевальных номерах?
Не так тяжело, как могло бы быть. Я не слишком прилежная ученица, а в этом случае мне казалось, что я могу отлынивать от занятий без всякого ущерба для себя — настолько легко мне давались танцы.

Насколько важен для вас артистический опыт, приобретенный в ходе съемок «Чикаго»?
Очень важен. Я многому научилась благодаря Робу Маршаллу: новым средствам выражения, каким-то новым ценностям. Достаточно было просто смотреть на то, как работает Роб, — режиссер всегда находится под страшным давлением, у него всегда полно поводов для того, чтобы заорать и послать всех к черту. А он никогда не бывал невежлив, он всегда был спокоен, выдержан. Это было прекрасно. С другой стороны, его страсть к работе была заразной. Его пример обнадеживал, настолько он был положительно настроен все время, непрерывно был в хорошем настроении. На съемочной площадке у него получалось извлекать из нас все самое лучшее — людям действительно хотелось работать с такой же самоотдачей. А уж наблюдать за его творческим процессом — одно удовольствие. Просто невероятно, как он ухитрялся держать в уме каждую малейшую деталь того, что происходило на площадке. Как будто он смотрел на свой письменный стол — каждое мгновение. Я не знаю, как ему это удавалось.

Как вам работало с Кэтрин Зета-Джонс, которая играла Вельму — актрису кабаре и соперницу Рокси?
Кэтрин была просто в своей стихии. Она невероятно хороша и как певица, и как танцовщица. Когда мы вместе готовились к танцевальным номерам, я всегда держалась в паре шагов позади нее, чтобы наблюдать, как она двигается, угадывать ее следующие па. У Кэтрин есть какая-то внутренняя энергия, которая оживляет пространство любой комнаты, куда бы она ни вошла. Она входит — и с этого момента вы видите только ее. То же самое творится, когда она появляется на экране.

Вы когда-нибудь представляли себя в той ситуации, в какой оказалась ваша героиня, Рокси Харт, — в тюрьме, обвиненной в убийстве?

Нет, конечно, нет. Не думаете же вы, что я каждый день просыпаюсь с мыслями: а вдруг меня арестуют? А вдруг в этом году я попаду в тюрьму, не по своей вине — потому что меня легко подставить, потому что я политически неграмотна, плохо информирована о нынешнем законодательстве, это, кстати, правда, и так далее? Что я действительно осознаю, так это насколько я порой бываю невнимательна и к чему это может привести — это действительно может испугать. Но ведь Рокси попадает в тюрьму потому, что она хотела славы. У нее было совершенно неверное представление об этом, она хотела славы лишь потому, что ее собственная жизнь была такой ничемной. С одной стороны, Рокси ужасно тщеславная, с другой — отчаявшаяся, трагически отчаявшаяся. Она отчаянно стремится к славе, потому что думает, что слава даст ей все — самоуважение, чувство собственного достоинства, любовь. Все то, чего ей не хватает в жизни. Ей кажется, что, если публика будет носить ее на руках, как Вельму, она сможет стать более полноценной личностью. В действительности же это путь к поражению. Но я отлично ее понимаю — я понимаю, насколько сильно иллюзии могут подчинить себе человека, да и кто не страдал иллюзиями?

Действие фильма происходит в Чикаго двадцатых. Как вы думаете, насколько современна история, которая рассказывается в этом мюзикле?
Очень современна. Ведь это история о популярности и о масс-медиа, а уж как раз в наши дни можно найти тысячи подобных историй. Популярность уже не является чем-то естественным, ею можно легко управлять, манипулировать. Люди стали осознавать, что для пятнадцати минут славы не нужно тяжело работать — можно отличиться какой угодно глупостью. И люди сейчас готовы делать самые ужасные и отвратительные вещи, чтобы просто попасть на телеэкран. Они действительно готовы пойти на что угодно, чтобы только попасть в телевизионное шоу, чтобы их фотографию напечатали на журнальной обложке. Вот что меня пугает, и я не знаю, что с этим делать. Это уже всемирное явление — вне каких-либо границ. Люди думают и поступают точно так же всюду, где есть телевидение. Но в Америке это перешло все допустимые нормы. Даже самые простейшие нормы человеческого поведения разрушаются на глазах. Доверие, например. Ведь гораздо интереснее и доходнее представить на телевидении или в газете не всю ситуацию как она есть, а в измененном, приукрашенном виде. Это приносит больше денег, но это же и уменьшает доверие. Как можно верить всему, что показывают по телевидению, о чем пишет пресса? Каждый день во всех этих репортажах можно найти десятки противоречий, и кому после этого верить? Поневоле становишься циником.

Вы считаете себя циником?
Нет, я думаю, я еще только на пути к этой стадии (смеется). Нет, я не цинична. Меня интересует все, что происходит вокруг, я слишком любознательна, чтобы быть циничной.

Если вы считаете, что СМИ необъективны, стоит ли к ним прислушиваться? Часто ли вы смотрите телевизор?
Время от времени. Просто чтобы сменить занятие. А иногда не остается другого выхода: недавно, например, на съемках фильма «Холодная гора», я жила в Румынии, и в гостинице телевизор был единственным развлечением, но показывал он только четыре канала. В таких условиях поневоле начнешь смотреть что угодно — даже новости на румынском языке (смеется). Однако что меня всегда поражало именно в телевидении — так это потрясающая способность телепрограмм искажать реальность. С моментом включения камеры люди перестают вести себя естественно, они начинают держаться так, как, по их представлениям, следует держаться перед камерой.

Но ведь в кино представленная ситуация изначально далека от реальности. Чем тогда, по вашему мнению, кино лучше телевидения?
Люди приходят в кино, чтобы отдохнуть, чтобы в течение двух часов получать свою порцию развлечений. Но в течение этих же двух часов они могут и научиться чему-нибудь, получить какую-то пищу для размышлений. И это, мне кажется, то ценное, что есть в кино, то, ради чего стоит сниматься в фильмах.

Рене Зеллвегер: «Все эти костюмы, грим, блеск, движение... сплошное веселье»